

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Государство и Церковь

**в СССР и странах Восточной Европы
в период политических кризисов
второй половины XX века**

Нестор-История

Москва • Санкт-Петербург

2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6
Г72

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Т.В. Волокитина*, д.и.н. *М.И. Одинцов*, к.и.н. *А.И. Филимонова*

Рецензенты:

д.и.н. *О.И. Величко*, д.и.н. *В.И. Косик*

Г72 Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века /
отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М. : Институт
славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2014. — 540 с.
ISBN 978-5-4469-0032-9
ISBN 978-5-7576-0304-9

Сборник статей «Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов во второй половине XX века» охватывает широкий спектр значимых и малоисследованных вопросов, касающихся опыта отношений между государственными институтами и церковью в СССР и странах Восточной Европы в кризисные, переломные моменты истории.

Исследование опыта поиска и построения диалога по линии государство-церковь в условиях острых политических кризисов показывает, что в этой сфере наблюдались самые различные формы поведения — от противостояния до приспособления/слияния с режимом.

В широком смысле ставится проблема конформизма и конфронтации церкви во взаимоотношениях с государством и вопрос взаимодействия госорганов и церкви в критические для национальной истории периоды, борьбы светской и духовной власти за общественные настроения, за монопольное влияние на общественные процессы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-4469-0032-9

9 785446 900329

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

М. Балог (Будапешт)

Между лояльностью и оппозиционностью:

венгерская католическая церковь

в «ловушке» церковной политики

Яноша Кадара

Исторические церкви Венгрии подошли к смене эпох, наступившей по окончании Второй мировой войны, сохранив свою институциональную систему в неприкосновенности, но отягощенные грузом проблем. Поворот, начавшийся в 1945 г., еще не означал немедленного и прямого наступления на церкви и религию, более того, церквям позволили относительно свободно приступить к налаживанию мирной жизни. Но в радикальный характер происходящих перемен таил в себе возможность конфликта между церковью, прежде всего католической, и государством. Поскольку пришедшие к власти силы отрицали старый общественный и государственный порядок, более того, увлеченные революционными преобразованиями, отрицали преемственность в основополагающих вопросах, церкви в Венгрии в мгновение ока утратили свое влиятельное, исключительное положение и — образно говоря — оказались под открытым небом. Одни прежде присущие им функции (содержание школ, руководство религиозными объединениями) исполнялись своим чередом до тех пор, пока новый режим не подбирал им замену, другим (законодательство, монашество) не было места при новом государственном устройстве. Под вопрос ставились социальная роль церквей, их полезность, само существование.

На протяжении 1945—1948 гг. были постепенно уничтожены едва ли не все элементы буржуазного строя: в сфере имущественных отношений, общественно-политического устройства, идеологии и культурной жизни. Лишь одно духовное явление и социальную организацию не удалось полностью подчинить и уничтожить — религию и церкви. В 50-е годы XX в. церковная политика была однозначно направлена на запугивание, ограничение и ликвидацию. Религия стала идеологическим врагом номер один, церковь — главным средоточием

реакции, стоящей на пути строительства социализма. В первую очередь это относилось к католической церкви, тем более, что ее центр, расположенный за пределами страны, не позволял так легко ею манипулировать.

Даже после 1945 г. — когда настало время масштабных потрясений (например, земельная реформа) — католическая церковь сохраняла авторитет и до известной степени сумела выжить. Сумев до поры до времени сохранить свои прежние институты и функции. Она превратилась из *государственной церкви* в *церковь оппозиционную*¹. У оппозиционности церкви и антиклерикализма правящего режима были схожие идеологические основы — с одной стороны, непоколебимость веры в Бога и, с другой стороны, атеистический марксизм.

Коммунистический режим тщетно силился создать гомогенное, подконтрольное, не способное к самоорганизации общество, плюрализм венгерской политической мысли, загнанный в 1950-е годы в подполье, все-таки выжил. «Клерикальная реакция» подвергалась постоянным нападкам, но задача уничтожения церквей была «выполнена» лишь частично. Подавляющее большинство населения оставались верующими, сохраняли верность своей церкви, священникам и проповедуемым ими моральным постулатам. Власти не удавалось заместить их иными равнозначными ценностями, тем более заставить их принять. Верующих могли преследовать по административной линии, представителей клира — посадить в тюрьму, церковные учреждения — прикрываясь правовыми нормами, — национализировать. Лишь две вещи власти так и не смогли или не осмелились осуществить: вытеснить религию из жизни отдельных граждан и общества в целом и закрыть храмы.

Революция 1956 г. и католическая церковь

1956 год не является переломным в церковной политике. В подготовке и событиях революции церкви — если не считать краткий момент после освобождения кардинала Йозефа Миндсенти — не играли особой роли. Провинциальный епископат, как и все, узнавал новости о начале революции, о боях в Будапеште и пр. из крайне противоречивых сообщений по радио. У него не было возможности прояснить положение, выработать консолидированную позицию, епископская конференция в дни революции не заседала. Между 23 и 30 октября 1956 г.

иерархи католической церкви неоднократно призывали население к спокойствию, соблюдению законов и одновременно заверяли в своей поддержке тогдашнее правительство И. Надя.

Священники, каждый как мог, следили за событиями, руководствуясь голосом совести, но роль их не была ведущей. Конечно, многих из них избрали в рабочие и национальные советы или революционные комитеты, некоторые произносили зажигательные речи на митингах, но поведение духовенства в целом от круга его знакомств, информированности, образованности. При этом священники выступали как частные лица, по собственной инициативе переходили на сторону революции. Были такие, кто позволяли себе радикальные высказывания, торопил с роспуском производственных кооперативов, арестом районных партийных секретарей или увольнением партийных функционеров. Другие, напротив, пытались погасить страсти, нередко священники предотвращали расправы, акты мести, спасали жизнь местным парторботникам. Известно лишь об одном священнике — монахе-францисканце Вазуле Вегвари (1929—2011), начинавшем учебу в военной школе — который принимал участие в боях. Когда в страну вошли советские войска, он сражался в Будапештской крепости, позднее принял командование ее обороной². В провинции, куда первая волна революции докатилась с опозданием, деревенское население, на стихийных демонстрациях, собраниях и митингах нередко выносило из церкви хоругви и национальные флаги. Даже если приходские священники не стояли во главе демонстрантов, а с кафедры призывали к спокойствию, порядку, миру и христианской любви, у паствы — если только речь не шла о явном пацифисте — не возникало сомнений, на чьей стороне церковь.

Ни в одном из выступлений И. Надя не шла речь о свободе совести или вероисповеданий, не говоря уже о продуманной церковной политике или, по крайней мере, о заслуживающих внимания конкретных в сфере государственно-церковных отношений шагах. У этой сферы деятельности правительства не было «хозяина». Еще до роспуска Государственного управления по делам церкви дело не дошло, это учреждение, символизировавшее политическую волю, враждебную церкви и религии, не могло больше полноправно представлять революционное правительство. Тем не менее, глава Управления Я. Хорват 29 октября 1956 г. в сопровождении полиции и советских солдат

посетил содержавшегося в Фелшепетене, приговоренного на показательном процессе 1949 г. к пожизненному заключению кардинала Й. Миндсенти. Хорват привез с собой предложение правительства: Миндсенти не будет политически реабилитирован, но может свободно покинуть страну. Кардинал заносчиво ответил: «Пока ты сидишь на коне и топчешь меня копытами, я не пойду на соглашение. Я покину это место в том случае, если отправлюсь в Эстергом³ или в кардинальский дворец в Буде. Скорее — второе, потому что именно там я больше всего необходим моему народу»⁴. Он хотел уехать свободным человеком, которому вернули его достоинство, или не уезжать вообще.

30 октября министр З. Тильди заявил по радио: правительство считало бы желательным, чтобы Йозеф Миндсенти вернулся в Эстергом и приступил к исполнению обязанностей архиепископа. На следующий день в 6 часов утра Миндсенти под конвоем был отправлен в Будапешт⁵. Обретший свободу кардинал тут же превратился в символ торжества революции, в народе крепла уверенность: он займется политикой и, возможно, станет новым премьер-министром⁶. На заседании Совета по национальной безопасности США Миндсенти называли лидером, способным возглавить Венгрию и консолидировать общество⁷. Венгерское правительство плелось в хвосте событий. Оно продемонстрировало это, когда в заявлении от 1 ноября расценило восемь лет судебных преследований кардинала как незаконные⁸.

По получении известия о вводе советских войск 4 ноября, после трех с половиной дней на свободе, Миндсенти попросил и получил политическое убежище в посольстве США. Примасу выделили отдельную комнату, где тот с жаром принялся за работу. 4 и 5 ноября 1956 г., а также в последующие дни он издал церковно-административные распоряжения, касавшиеся целого ряда лиц. На большинстве документов задним числом поставлена дата 3 ноября, чтобы распоряжения, подписанные в американском посольстве, не выглядели как таковые. В них Миндсенти, пригрозив отстранить от исполнения своих обязанностей (*suspensio*), лишил должностей 11 иерархов, участвовавших в движении «священники за мир» и обслуживавших политические интересы правящей коммунистической элиты, и назначил им в будущем нести служение исключительно в качестве настоятелей приходов и приходских священников в сельской местности. Означенные иерархи, за исключением двух человек, подчинились воле

примаса. За распоряжениями кардинала последовали сходные шаги в большинстве митрополий.

Новый импульс к дальнейшим кадровым перестановкам дали два декрета, принятые 21 января 1957 г. Святой соборной конгрегацией (*Sacra Congregatio Concilii*), ответственной за моральный облик духовенства и паствы. По воле Рима и ранее назначенные Государственным управлением по делам церкви епископские викарии, главы канцелярий, всего 21 человек, лишались своих постов⁹. Эти два декрета фактически отстраняли тех, кто получил высокие церковные назначения благодаря своему лояльному отношению к государственной власти. Упомянутая Конгрегация 16 июля 1957 г. призвала всех католических священников в течение шести месяцев полностью прекратить любую политическую деятельность, иначе Святой Престол автоматически отлучит их от церкви¹⁰. В феврале 1958 г. Ватикан исполнил свою угрозу в отношении Миклоша Берестоци, Яноша Мате и Рихарда Хорвата — трех участников движения «священники за мир», которые, несмотря на запрет не сдали свои парламентские мандаты¹¹. Несмотря на то, что венгерские власти не разрешили придать эти декреты общественной огласке, с точки зрения церковного права они, тем не менее, вступили в силу, на десятилетия отяготив отношения между Венгрией и Ватиканом. Отлучение от церкви оставалось в силе до 15 июля 1971 г., его отмена стала возможной только после урегулирования вопроса о кардинале Миндсенти.

Церкви не играли самостоятельной роли в революции 1956 г., но ее события в значительной мере определили их внутреннюю жизнь. Скомпрометировавшие себя члены руководства кальвинистской и лютеранской церковей массово отказывались от своих постов. Согласно одной правительственной аналитической записке, отношения с церквями «сильно ухудшились и усложнились... Достижения многих лет поставлены под угрозу, движение "священники за мир" посредством кадровых перестановок обезглавили, парализовав его деятельность»¹². В другом документе справочно-аналитического характера говорилось, что к апрелю 1958 г. 57 «прогрессивных священников», лишились своих постов, полученных под давлением государства¹³. Власти уже не могли или не хотели препятствовать увольнениям лиц, назначенных в обход церковного права. Из епископских резиденций с головокружительной быстротой исчезли ненавистные

и презируемые верующими креатуры, вызванные к жизни церковной политикой режима Ракоши, комиссары по делам церкви и прикнущие к ним "священники-миротворцы". Это было то главное, что дала церквям революция. Но так продолжалось недолго...

Реставрация и союзническая политика

Итак, Святой Престол встал на сторону церковно-административных распоряжений Миндсенти и настоял на их осуществлении средствами канонического права. Однако поддержать более радикальные шаги не захотел и дистанцировался от призывов к решительной борьбе с режимом, раздававшихся из американского посольства, где укрывался кардинал. Как иначе объяснить послание Папы Пия XII, в котором тот просил, чтобы Миндсенти сосредоточился на молитвах¹⁴. В дипломатических кругах также имелись сведения о том, что готовится отчет о венгерском кризисе и его последствиях, подписанный высокопоставленным сотрудником папского государственного секретариата Анджело Дель'Акка. В нем, с одной стороны, признавалось, что католические силы не играли никакой роли в подготовке восстания, но с другой стороны, при анализе политических аспектов венгерского кризиса подчеркивалось, что пиратскими акциями в Венгрии нельзя ставить под угрозу уступки, завоеванные католической церковью в Польше. В документе признавалось, что сохранение коммунистического режима в Венгрии является составной частью достигнутого между великими державами баланса сил, и подчеркивалось: те группы, которые явно хотят придать венгерскому восстанию антикоммунистическое направление, являются политическими еретиками¹⁵.

Новое венгерское коммунистическое руководство, обустроившееся на руинах революции, неохотно вспоминало об обстоятельствах своего появления на свет, но кое-какие уроки извлекло. Опыт революции по части церковной политики повлек за собой только формальные и тактические уступки. Правительство было согласно с тем, что непопулярное Государственное управление по делам церкви должно сойти со сцены. Президентский совет указом № 33/1956 от 31 декабря 1956 г. упразднил автономию Управления, и до 1959 г. оно действовало как один из отделов Министерства культуры, хотя, надо признать, персонал и сфера деятельности практически

не пострадали. Последней самостоятельной акцией Государственного управления по делам церкви стало заявление в конце ноября, что революционное рабоче-крестьянское правительство стоит на страже прав и свобод, записанных в конституции, обеспечивает факультативное преподавание закона Божьего в школах и считает соглашения, достигнутые ранее с церквами по состоянию на 23 октября 1956 г., обязательными для соблюдения. Декларировалось, что спорные вопросы следует разрешать путем переговоров¹⁶. Послание было понятно: средства меняются, но стратегические цели «старо-новой» политической номенклатуры остаются прежние — извести религию и ее институт — церковь.

Между тем, власти в стране стали применять метод кнута и пряника. Еще 15 ноября 1956 г. Я. Кадар заявлял, что коммунисты проведут свободные выборы, но уже через две с половиной недели прошла волна арестов. Было объявлено чрезвычайное положение, и началась одна из самых жестоких политических расправ в истории Венгрии. В последующие три года более 230 чел. были казнены за участие в революции. Согласно судебной статистике, с 1957 по 1960 гг. 21 668 чел. были осуждены по политическим обвинениям¹⁷, 13 тыс. чел. — интернированы. В январе 1957 г. власти с привлечением комитатских (областных) референтов по делам церкви приступили к анкетированию «контрреволюционной деятельности» священнослужителей. С ноября 1956 до конца 1957 гг. общее число пострадавших в связи с этой акцией католических священников составило 176 человек¹⁸. Минимальной санкцией было лишение государственного денежного содержания, за этим нередко следовали запрет на право преподавания закона Божьего, перевод в другой приход, недопущения к пасторской деятельности и иные административные меры. В случае более тяжких обвинений священникам ограничивали свободу передвижения, а также приговаривали к тюремным срокам.

В первом квартале 1957 г. на повестку дня выдвинулись новые вопросы. 6 января Глава правительства Я. Кадар объявил новую программу: безоговорочная лояльность Советскому Союзу во внешней политике; в конфессиональной — свобода вероисповедания и религиозного воспитания; в сельском хозяйстве — коллективизация. Актуальные вопросы церковной политики обсуждались 5 марта 1957 г. на заседании Организационного комитета Временного центрального

комитета Венгерской социалистической рабочей партии¹⁹. Перед правительством были поставлены четыре неотложные задачи.

1. *Назначение «надежных кадров» на церковные должности.* Для этого был изменен, как излишне мягкий, указ № 20/1951, который сохранял за епископами право производить кадровые перестановки в своих епархиях без ведома государства. 20 марта 1957 г. вступил в действие указ № 22, которым предусматривалось согласование с государством назначений на любые церковные должности, что ужесточило прежнюю юридическую норму и свело к минимуму административное право епископов в сфере внутрицерковной организации. Отныне при назначении, переводе на новое место работы или увольнении любого священника, профессора теологии или директора церковной средней школы требовалось предварительное согласование с органами власти²⁰ (исключение составили несколько должностей мелких приходских священников и капелланов). Назначение епископов стало одним из ключевых вопросов на переговорах между Венгрией и Святым Престолом, начавшихся в 1963 г. На следующий год «удалось» выработать детальное соглашение, позволявшее назначать епископов на высвобождающиеся кафедры в соответствии с каноническим правом. В то же время инструкция по исполнению указа, опубликованная в 1959 г., была изменена только в 1971 г., что и позволило Миндсенти осенью покинуть свое убежище в американском посольстве. С помощью этого указа власти смогли выстроить жесткую (говоря социологическим языком) контрселективную иерархию. Само по себе вмешательство государства не означало, что все назначения априорно происходили по его воле. Но не остается сомнений, что пока то или иное духовное лицо становилось епископом, его досье по пять-шесть раз изучали под микроскопом сотрудники Государственного управления по делам церкви. Новые епископы, назначенные в 70-е годы XX в., принадлежали уже к совсем иному поколению, и на них — с учетом возраста и прежней карьеры — никак нельзя было навесить ярлык «реакционеров».

2. *Немедленное устранение церковных иерархов и духовенства, пришедших к власти при поддержке контрреволюции.* Формы устранения могли быть самыми разными: изоляция, принудительная отставка, кадровые перестановки, арест, тюремное заключение, очень редко — «несчастные случаи». Так, указом Президентского совета № 92/1957 «предварительное согласование» о разрешении на работу, выданное

Веспремскому епископу Берталану Бадалику, было аннулировано, и его под полицейским конвоем отправили отбывать наказание в село Хейце на северо-востоке Венгрии. Перегибы в кадровой политике быстрее всего прекратились в отношении кальвинистов, к 1958 г. ситуация нормализовалась с лютеранами и только к 1977 г. — с католиками.

3. *Реформа скомпрометировавшего себя движения «священники за мир».* В этой сфере довольно быстро удалось добиться заметных успехов: при Венгерском комитете защиты мира уже в апреле 1957 г. оформился Совет кальвинистской церкви; 24 мая — Совет католической церкви при этом комитете; начала действовать организация «Opus Pacis» («Дело мира»), в рамках которой католический епископат организовывал работу в защиту мира. Задача организации заключалась в том, чтобы обеспечивать организационные рамки для духовных лиц, желавших посвятить себя борьбе за мир (т.е. за социализм). Епископат надеялся таким образом не допустить, чтобы движение «священники за мир» раскололо клир, но в конечном итоге эта организация принесла политические дивиденды только правительству. «Opus Pacis» в своем заявлении от 29 августа 1957 г. осудило доклад комитета ООН по «венгерскому вопросу». Уступки, на которые государство пошло в ответ на готовность части клира к сотрудничеству, со временем оказались ложными и иллюзорными. Когда церковная иерархия превратилась в надежного партнера, в «Opus Pacis» перестали нуждаться, и организация попросту зачахла: вплоть до смены политического строя в 1989 г. работу продолжали только центральное отделение и филиал в комитате Сабольч-Сатмар.

4. *По мере оттеснения реакции — удовлетворение потребностей церкви, не преследующих политические цели.* В самом деле, даже сторонние наблюдатели отмечали, что в религиозной сфере последовало некоторое смягчение. «Эти улучшения проявляются весьма разнообразно, — писал, например, французский поверенный в делах в Будапеште. — Обращает на себя внимание, что детей стали записывать в церковные школы, церквям позволяют организовывать крестные ходы в праздник тела Христова, на улицах и на официальных приемах священники стали появляться в сутане, в целом ряде храмов государство ведет реставрационные работы, по радио раз в месяц транслируют передачи религиозного содержания и пр.»²¹ Между тем, все перечисленное в телеграмме не мешало правительству преследовать

те круги духовенства, которые оно считало реакционными. Так, летом 1957 г. в прессе появилась информация об аресте группы монахов, обвиняемых в активном участии в октябрьско-ноябрьских событиях 1956 г.

Программу действий, состоявшую из вышеперечисленных четырех пунктов, исполняли постепенно при дифференцированном подходе к отдельным церквям. В отношении католической церкви, рассматривавшейся «как главная представительница клерикальной реакции в Венгрии», ставилась задача изоляции от «более лояльных к нам [государству — Б.М.] церквей»²².

Итак, вырисовывается двойная линия поведения «верхов». С одной стороны, не было недостатка в жестах благосклонности правительства Кадара в адрес церкви, газетные нападки против Миндсенти ощутимо ослабили. Католический клир, в свою очередь, опасался сочувственно высказываться о кардинале-беженце, дабы власть не расценила это как провокацию, и старался не слишком открыто выражать солидарность с осужденными участниками революции 1956 г.

Последующие события свидетельствовали о начале новой эпохи — длительной кадаровской прагматической церковной политики: пока существуют церкви, их необходимо использовать. Символом ее стала поездка в СССР, которую по приглашению Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР предприняла с 22 апреля по 6 мая 1958 г. делегация в составе 27 человек — 14 католиков, 9 кальвинистов и 4 лютеранина. Они посетили Москву и Ленинград, католики побывали в Вильнюсе и Каунасе, протестанты — в Таллинне. Епископ Эндре Хамваш с искренним восхищением отчитывался об увиденном: «Положение здесь такое же, как у нас. Храмы открыты, прихожане рьяно посещают службы, охотно поклоняются святыням и кажутся искренне верующими. Там нет церковного налога, только уплата треб, поэтому священники живут хорошо, их содержит паства. Епископам положен свой автомобиль... Прием и обращение с нами везде были сердечными и внимательными. Это не «постановка», а шло от сердца... неправда, что народ тут противостоит режиму, против такого режима и мы бы не пошли»²³. Разглядели ли венгерские гости за внешней мишурой реальное положение дел в конкретно сфере²⁴? Если да, то не написали об этом, потому что отчеты делегатов говорят только о позитиве. Центральный Комитет ВСРП в постановлении от 22 июля 1958 г. одобрил религиозную

политику нового типа: «... В эпоху построения социализма церкви еще долгое время сохраняются, поэтому после подавления контрреволюционных выступлений клерикальной реакции мы стремимся к позитивному сотрудничеству с церквями»²⁵. Сторонники жесткой антицерковной и антирелигиозной политики — те, кто, как говорилось в одном из докладов того времени, только тогда чувствуют себя хорошо, когда «по утрам съедают на завтрак по два попа», — были оттеснены на задний план. Впрочем, стрелка политических весов время от времени колебалась: когда в партии усиливались догматические взгляды и, как следствие, происходило завинчивание гаек, и предпринимались административные меры против церквей.

После первоначальных уступок правительству Я. Кадара в 1958 г. уступок, удалось восстановить основные элементы церковной политики эпохи Ракоши, но не исключительно административными методами, да и по содержанию — несколько иные. Ради стабилизации международных отношений, консолидации шаткого внутривнутриполитического положения и выполнения экономико-политических планов из арсенала идеологической борьбы была изъята силовая компонента. На смену прежнему неприкрытому преследованию церкви с целью ее уничтожения пришла политика народного фронта с его риторикой «национального единства». Завершение периода нормализации символизировало возвращение 2 июня 1959 г. самостоятельности Государственному управлению по делам церкви, которое вплоть до 1989 г. работало в соответствии с уставом.

Антигосударственные заговоры и гомосексуализм

На время правления Кадара пришлось как относительная свобода церкви, так и борьба с этим институтом. Власть никогда полностью не отказывалась от использования таких методов, как создание невыносимых условий или запугивание. В решении Политбюро от 21 июня 1960 г. в числе основных объектов борьбы с внутренней реакцией, в одном ряду с национал-социалистами и хортистскими организациями, называло клерикальные силы. Во исполнение принятого решения осенью 1960 г., зимой и весной 1961 г. были проведены широкомасштабные полицейские акции, затронувшие не менее 300 лиц духовного звания²⁶. Волна арестов со всей очевидностью показала, насколько коммунистический режим оставался верен своим

непреходящим ценностям. Под прицелом вновь оказались священники, которые поднимали свой голос против требований Государственного управления по делам церкви и не пасовали перед попытками давления на них. Им вменяли в вину создание незаконных молодежных объединений, подстрекательство к отказу от сотрудничества с коммунистическим режимом, наконец, следование в своей деятельности знаменитой папской энциклике «*Regum novarum*»²⁷. Если верить властям, то члены церковной организации «Черные вороны», основанной якобы еще в 1948 г., планировали свергнуть в Венгрии существующий строй и восстановить конституционную монархию. После 1956 г. заговорщики якобы перешли к тактике духовного сопротивления и работали над созданием «христианско-социалистического фронта» с тем, чтобы, спровоцировав международный конфликт, установить в Венгрии справедливый «корпоративный строй», отличный от существующего. В их программе, как указывалось в обвинительном заключении, фигурировали роспуск колхозов и возврат церкви отнятых у нее по аграрной реформе земельных владений²⁸.

Если мы зададимся вопросом, зачем потребовались подобные меры и почему их предприняли именно в это время, можно ответить, что они в полной мере соответствовали практике, установившейся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Потребовалось новое запугивание священников с тем, чтобы заставить их идти на сотрудничество с властью. Речь здесь не только о вынужденной поддержке со стороны иерархов католической церкви — будь то пропаганда «движения за мир» или «убеждение» крестьянства поддержать коллективизацию. Активность властей объясняется боязнью новой революции. Социальная напряженность в стране сохранялась и спустя четыре года после революции 1956 г.: городское население было недовольно тем, что приходится целыми днями выстаивать в очередях перед пустыми продовольственными магазинами; рабочие были раздражены, что снижение заработной платы сопровождалось повышением производственных норм; и крестьянство, по мере возможности, бойкотировало вступление в производственные кооперативы. Следовало погасить искру возможного сопротивления, подавить пассивное недовольство, которое спровоцировал слепой энтузиазм, неуклюжие действия правительственного аппарата, далекого от реалий жизни.

Как пример можно привести скандал, связанный с навязанным семинаристам участием «в борьбе за мир», когда власти попытались

согнать их на организованный 23 января 1959 г. Всевенгерский съезд. Эта и подобные акции с самого начала были обречены на провал, семинаристы отказались участвовать в форуме, за что их исключили их семинарии. Инцидент существенно подорвал авторитет Государственного управления по делам церкви, которым руководил бывший сторонник Ракоши — Карой Ольт. Несмотря проведенные в Центральной семинарии, позднее выяснилось, что отчисленным семинаристам не только успешно удалось подпольно завершить свое образование, но их к тому же тайно рукоположили. Это полностью соответствовало нормам церковного права, но противоречило действовавшим государственным законам и инструкциям по их исполнению. «Разумеется, — писал в Париж французский посол в Будапеште, — руководители марионеточного правительства и контролирующие их русские власти не оставят такое поражение без ответа»²⁹. Властям так и не удалось принудить целое поколение будущих священников отказаться от своего жизненного призвания. Государство расправилось со священниками, пошедшими ему наперекор священниками и тем самым преподавало урок населению страны, упорно искавшему спасения в вере. Иштвана Табоди, ответственного за организацию нелегальной учебы изгнанных семинаристов, 7 июля 1961 г. Верховный суд приговорил к 12 годам тюремного заключения за «руководство организацией, имевшей целью свержение народно-демократического государственного строя, и измену родине»³⁰.

По ходу судебного расследования было также сформулировано обвинение в противоестественных, развратных действиях или преступлениях против морали. Во время подготовки судебного процесса 7 февраля 1961 г. первый заместитель председателя Совета министров Д. Каллаи заявил собравшимся запуганным епископам, что «гомосексуальные и антигосударственные преступления не вполне независимы друг от друга, ибо тот, кто встал на аморальный путь, рано или поздно придет к измене родине». Лишь апостольский администратор Эстергомской митрополии Артур Шварц Эрренхофер осмелился оспорить далеко идущую параллель. «Между сексуальными извращениями и политическими делами нет, как правило, никакой связи»³¹, — возразил он. Тем не менее циркуляр епископата, осуждающий греховное поведение содержащихся в тюрьме священников, появился гораздо раньше, чем приговор суда за политические преступления, предусматривающий многолетним срокам заключения...³² Власть

и в дальнейшем не терпела активной позиции священнослужителей. В 1964 и 1965 гг. поднялась очередная волна судебных процессов. Последний католический священник, приговоренный к тюремному заключению — Эден Ленарт — вышел на свободу только в 1977 г.

Частичное соглашение между Венгрией и Святым Престолом (1964)

Ослабление международной напряженности после 1956 г. играло на руку находившемуся в международной изоляции правительству Кадара. В конце 1962 г. так называемый венгерский вопрос был, наконец, снят с повестки дня Генеральной ассамблеи ООН. При этом не пришлось взамен разрешать выезд из страны кардинала Миндсенти, находящегося с 1956 г. на территории посольства США в Будапеште. Бесспорно, резолюция ООН стала большим завоеванием кадаровского режима. Об окончании международной изоляции говорило и то обстоятельство, что в 1963 и 1964 гг. семь западных стран подняли уровень своих дипломатических отношений с Венгрией до посольского. Большая часть репрессий в 1963 г. завершилась амнистией: режим сумел договориться, по сути, со всеми своими значительными оппонентами. Предметом негласного торга стало постепенное повышение уровня жизни в обмен на ограничение прав и свобод и признание однопартийной системы. «Общественный договор» и погрузил венгерское общество в политическую летаргию.

Настроения, царившие на II Ватиканском соборе, тоже способствовали сближению. Если попытаться найти побудительные причины изменения политики Святого Престола в отношении Венгрии, то ответ, если отвлечься от международных факторов, находим в практике венгерского правительства, применявшей при назначении епископов. Помимо административного ресурса применялась и другая форма противодействия церковной иерархии, не столь явная, но, вне всяких сомнений, куда более эффективная, чем насилие. После вступления в действие указа № 22/1957 о необходимости согласования церковных назначений с государственными властями, пропала возможность производить назначения на вакантные церковные должности в соответствии с каноническим правом. Теперь, когда освобождалась епископская кафедра, власти прилагали все усилия, чтобы не допустить рукоположения кандидата, предложенного Римом³³.

Они предпочиталиверить руководство епархией капитульному викарию, избрать которого мог просто капитул, он оказывался хуже подготовленным к отражению скрытого или явного давления со стороны государства. В 1964 г. в Венгрии из 11 епархий во главе пяти стояли епископы в Сегеде, Дере, Хайдудороге, Секешфехерваре, Сомбатхейе. Остальные епископские кафедры или оставались вдовствующими, или ими руководили всего лишь капитульные викарии (Печ, Калоча) или апостольские администраторы (Эгер). Нередко назначенному епископу могли «перекрывать кислород»: примас Миндсенти вынужденно бездействовал на территории посольства США, Вацский епископ Й. Петери и веспремский епископ Б. Бадалик находились в ссылке без права покидать определенное им место пребывания. Однако без епископов нет священников, без священников нет церковных таинств, без таинств, совершать которые могут даже «не достойные» этого, нет спасения души. Иными словами, отсутствие действующего епископата как базового элемента в структуре католической церкви парализовало исполнение ею своего важнейшего предназначения.

Поворотным моментом в поисках путей сближения обеих сторон стал 1964 год: 15 сентября венгерское правительство и Святой Престол заключили так называемое частичное соглашение. Согласно оценкам американской дипломатии, венгерское правительство уже потому могло причислить документ к своим победам, что «получило, чего хотело, паблисити и престиж в западной прессе, церковь же выиграла от этого очень мало»³⁴. Ведущие мировые средства массовой информации сообщали о соглашении на первых страницах. Многим бросилось в глаза, что договаривающиеся стороны после полутора лет переговоров оставили в стороне дело кардинала Миндсенти, потому что, если судить по стенограммам, это был лишь один из 16 вопросов, которые рассматривались в ходе четырех раундов переговоров. Однако ожидания были высоки: многие газеты утверждали, что «по сообщению высокопоставленного источника в Ватикане», Миндсенти вскоре покинет свое убежище и 20 августа³⁵ будет служить праздничную мессу в базилике св. Иштвана³⁶.

Однако в 1964 г. соглашение было достигнуто только по трем вопросам из шестнадцати: о назначениях епископов, принесении клятвы и статусе Папского венгерского церковного института³⁷. Суть компромисса сводилась к тому, что Ватикан информировал венгерское

правительство о своих кандидатурах и назначал их только после того, как соответствующий национальный орган (Президентский совет) подписывал пресловутое «предварительное согласование». Фактически это означало, что строгий указ № 22/1957, регулировавший назначения на церковные должности, оставался в силе, но неприемлемая для церкви ситуация некоторым образом нормализовалась: Ватикан признал принесение венгерским католическим духовенством клятвы на Конституции с тем, что ее нужно понимать как приличествующей епископу или священнику ритуал. Венгерскому епископату вернули находящийся в Риме Папский венгерский церковный институт с целью организации в нем учебного заведения для повышения квалификации венгерского духовенства³⁸. Поскольку и руководству института, и слушателям было необходимо иметь венгерское гражданство, венгерские священники в эмиграции не могли участвовать в управлении этим заведением. Будучи передан Венгрии, Папский венгерский церковный институт превратился в разведывательный центр в самом сердце Рима³⁹. По остальным вопросам прийти к согласию не удалось, поэтому ситуация с преподаванием закона Божьего в школах, с духовными семинариями и политической деятельностью священнослужителей не изменилась. Все прежние правовые нормы остались в силе. Соглашение не имело принятого в международной дипломатии статуса договора или конкордата, поэтому так и осталось «джентльменским».

Несмотря на все изъяны, это был первый межгосударственный договор, который Святой Престол заключил с социалистической страной, поэтому мировое сообщество сочло эту новость сенсационной. Соглашение, действительно, стало поворотным пунктом в том смысле, что прорвало застывший фронт, и в нем, так сказать, отразилась вся политика «ослабления гаек». Впервые со времен Второй мировой войны Москва признала, что правительство страны, входящей в сферу ее интересов, напрямую заключает договор со Святым Престолом, а тот, в свою очередь, впервые сел за стол переговоров с коммунистическим правительством. Можно предположить, что не только кадаровская политика «народного фронта» была уникальной для «социалистического лагеря», но и Ватикан считал Венгрию полем для эксперимента, дабы понять, может ли церковь существовать при коммунистическом режиме, и если да, то как? Сколь высока будет цена конформизма и в чем будет общественная выгода?

Наконец, может ли церковь свободно жить в кадаровской Венгрии, или она просто превращается в инструмент политического и морального самоутверждения режима? Или же, напротив, она может стать оппозицией режиму? Может ли она одновременно выполнять в разной мере различные функции?

В настоящее время историки ведут не всегда беспристрастные дискуссии, но дают при этом лишь весьма схематичные ответы на все эти вопросы. Однако факт остается фактом: в день подписания соглашения Ватикан объявил о назначении пяти новых венгерских епископов; пять лет спустя, в 1969 г., пришло время назначить еще пятерых епископов. Даже если во всех случаях речь шла о лояльных к правительству лицах, это тем не менее позволило «нормально» управлять епархиями. Следовательно, удалось добиться гарантий выживания, обеспечения существования самой католической иерархии. Критические голоса зазвучали громче, когда стало очевидно, что соглашение не принесло немедленного облегчения церковной жизни в Венгрии, а в отдаленной перспективе — и того будет меньше. В работе духовных пастырей появились новые препоны, были введены новые ограничения в преподавании закона Божьего в школах, произошли новые аресты и судебные процессы над священниками, обвиненными в антигосударственном заговоре. Святому Престолу не удалось добиться даже того, чтобы венгерское правительство возобновило с ним дипломатические сношения.

Церкви и «гуляш-коммунизм»⁴⁰

«Кто не против нас, тот с нами» — так Янош Кадар трансформировал слова Нового Завета, которые любил повторять Матиаш Ракочи, а еще раньше — В.И. Ленин. Тем самым венгерский лидер спровоцировал сильнейшее брожение в кругах верующих. Ценой незначительных уступок, или, как сказал занимавший в 1976–1986 гг. пост Эстергомского архиепископа Л. Лекаи, «маленьких шажков», католическая церковь тоже приобщалась к «повышению настроения» народных масс, к признанию того, что и в социалистическом обществе верующей человек может жить хорошо. Все больше верующих принимали компромисс с властью, демонстрировали лояльность, пытались найти свое место в системе пролетарской диктатуры. Власть же со всей очевидностью старалась опираться на церкви,

оставляя им при этом минимальное пространство для маневра. Государство и партийное руководство довело политику народного фронта до такого совершенства, что церкви открыто поддерживали экономические, а с конца 1970-х гг. и политические цели режима. В 1986 г. руководство католической церкви «отметило» тридцатилетнюю годовщину революции 1956 г. заявлением, осуждающим молодежь, отказавшуюся от воинской службы по религиозным убеждениям. В конце концов, сложилась парадоксальная ситуация, когда священники с кафедры часто говорили на языке проповеди то же самое, что и руководители Патриотического народного фронта на своих собраниях языком агитпропа.

Коммунисты, конечно же, никогда не отказывались от пропаганды своего мировоззрения в обществе, но уже не требовали от верующих отказаться от исповедования их веры. В силу такого подхода в церквах одновременно видели и союзника, и врага. Наряду с проводимой Народным фронтом фасадной политикой национального единства, до конца 70-х годов XX в. время от времени имели место полицейские аресты, принуждение, слежка, допросы, прослушивание, обыски и пр., Все это держало общество в страхе до последних дней существования режима.

Согласно официальным заявлениям, в 1980-е годы настало время политического сотрудничества между христианами и марксистами. Когда 9 июня 1977 г. папа Римский Павел VI принял Кадара, первого коммунистического лидера, который переступил порог Ватикана не в качестве официального представителя государства, это стало международной сенсацией. К 1977 г. депутатский корпус уже насчитывал 6 священников, 45 — заседали в местных советах, сотни соглашались работать в различных комитетах Патриотического народного фронта. В 1980 г. среди членов местных советов разных уровней было 64 священнослужителя, в том числе 31 католик, 30 кальвинистов, 12 лютеран и 1 иудей. В том же году 672 представителя церкви были избраны в органы Фронта. В 1985 г. представительство церкви во Всевенгерском совете Фронта увеличилось до 17 человек.

Клонившийся к закату режим Кадара был золотым веком для двойных стандартов воспитания, мышления, поведения. Деятельность церквей тоже постепенно стала «двухколейной»⁴¹: по одной колее двигалась официальная церковь, по другой — так называемая катакомбная церковь с ее непубличными христианскими

богослужениями. Первой удалось добиться признания государства и тем самым ввести в состояние апатии не только клир, но и значительную часть верующих. Многие из них думая, что единственно последовательным и разумным поведением в отношении коммунизма остается борьба до последнего, ожидали того же от церковного руководства, связавшего себя во имя сохранения веры компромиссами по рукам и ногам. Другие, напротив, считали, что куда разумнее, оставив сопротивление, принять сложившуюся ситуацию, жить и выживать в предлагаемых обстоятельствах. «Гуляш-коммунизм» постепенно подтачивал оппозиционность церквей, гасил ее открытые проявления. Действуя в жестко определенных рамках, церквям все-таки удавалось хоть чуть-чуть развивать общественную и благотворительную деятельность, увеличивать тиражи своей печатной продукции и количество религиозных организаций, хотя об образовательной деятельности не могло быть и речи. В обмен на смехотворные уступки церкви подключились к борьбе за мир.

Большинство верующих испытывали на себе недоброжелательное отношение окружающих и глубокий страх преследований за одни только религиозные убеждения: это могло проявиться в запрете на обучение в университете, отказе в повышении зарплаты, приеме на работу, повышении в должности, выдаче загранпаспорта. Гражданское сообщество верующих научилось жить вопреки страху, передавая новому поколению многие традиционные (бытовавшие до 1945–1948 гг.) привязанности, образ мыслей, ценности, политические предпочтения⁴². В кругах католиков и протестантов появились невидимые постороннему глазу «катакомбники», отвергавшие сотрудничество с государством. После 1950 г., когда всем монашеским орденам (за исключением четырех) отказали в «предварительном согласовании», иноки продолжали нелегально жить общинной и религиозной жизнью. К 1970-м гг., стало множиться число малых общин или базовых общин, что и свидетельствовало о религиозном пробуждении и обновлении. Молодые верующие собирались вместе вне храмов, тем самым они избегали государственной слежки, хотя тем самым они ставили под вопрос авторитет епископа. Полиция поначалу разгоняла эти собрания, но потом государство по-макиавеллиевски передало дело епископату, который своими силами попытался бороться с формирующейся внутренней оппозицией. (Епископская конференция в декабре 1976 г. осудила малые общины как

«сектантство»)⁴³. Новым явлением второй половины 1970-х гг. стал отказ верующего католика со ссылкой на религиозные убеждения, нести воинскую службу с оружием в руках (он предпочел, во исполнение приговора, провести 33 месяца в заключении). Другие «отказники» попадали в психиатрические лечебницы и штрафные роты. До 1986 г. всего 24 молодых католика отказались от исполнения воинской обязанности, ссылаясь на религиозные убеждения. Показательно, что епископат отмежевался от них в заявлении от 17 октября 1986 г. Перемены произошли только накануне смены политического строя: 14 марта 1988 г. тогдашний генеральный секретарь ВСРП К. Гросс провел встречу с главами церквей, на которой Эстергомский епископ кардинал Ласло Пашкаи, отступив от прежней позиции католической иерархии, предложил ввести альтернативную воинскую службу⁴⁴.

В целом, к 1980-м гг. в венгерском католицизме уже проявились признаки тяжелого внутреннего кризиса: в условиях вынужденного двойного подчинения — Риму и коммунистическому государству — епископы отдалились и от верующих, и от священников, но и между священниками и верующими тоже выросла стена непонимания. Священники испытывали страх, поскольку любой из них мог быть заподозрен в контактах с Государственным управлением по делам церквей. Дискомфорт усиливался необходимостью демонстрировать подчеркнутую лояльность к власти. Как в церкви, так и в государстве особую, можно сказать, решающую роль стали играть политически мотивированные наказания и поощрения. Как следствие, несмотря на ослабление активности государства, число прихожан в храмах уменьшилось, и посещение мессы все реже служило признаком органического неприятия коммунизма. Церковь, образно говоря, съезжилась, ее бытие определялось тем, что не было притока свежих сил, не хватало обмена мнениями, откровенного диалога.

Сегодня кажутся гротеском те заявления, которые еще в конце 1988 г. свидетельствовали о неизменности церковной политики, при том, что спустя полгода, 30 июня 1989 г., постановлением Президентского совета № 14 было распущено учреждение до последнего оставшееся символом коммунистическим преследований церкви — Государственное управление по делам церкви. Во всяком случае, с точки зрения государства, церковную политику эпохи

Капара можно назвать успешной. Вместе с тем, если не считать Польши, не было другой такой восточноевропейской страны, в которой церкви имели бы больше возможностей маневра, чем в Венгрии. Капаровская церковная политика потеряла почву только с крушением режима.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Примечания

¹ В межвоенное время высокопоставленные служители католического культа автоматически становились членами парламента, имели право предварительного ознакомления с проектами всех законов, а примас обладал правом вето на все законы, касающиеся деятельности клира. Такое положение католической церкви в системе государственной власти обуславливало ее превосходство над другими конфессиями. После Второй мировой войны ситуация изменилась: проведение под контролем Союзной контрольной комиссии, возглавляемой представителями СССР аграрная реформа 1945 г. Фактически лишили католическую церковь экономической независимости от государства. У церкви было конфисковано 765 684 хольдов земли из 862 700 хольдов, ей принадлежавших. В 1950 г. Между католическим епископатом и правительством, вопреки позиции Св. Престола, было заключено соглашение, по которому епископат признал Венгерскую Народную Республику и обязался пресекать всякую враждебную деятельность духовных лиц против установленного государственного строя, не допускать использования религиозных чувств верующих и самой католической церкви в антигосударственных, т.е. в антикоммунистических целях. Правительство, со своей стороны, гарантировало свободу вероисповедания и свободу деятельности католической церкви. Соглашением предусматривалось существование в стране нескольких мужских и женских монашеских орденов. Государство взяло на себя обязательство заботиться в течение 18 лет (до 1968 г. включительно) об элементарных нуждах римско-католической церкви и выплачивать жалования священникам. (Прим. Ред.)

² После подавления революции ему удалось бежать на Запад. Он вернулся в Венгрию в 1997 г.

³ В Эстергоме находится резиденция примаса — главы католической церкви Венгрии.

⁴ Телеграмма посла Вейлса в Министерство иностранных дел США, Будапешт, 28.I.1957. — National Archives and Records Administration (далее — NARA). Record Group (далее <http://srb.fondsk.ru/news/2013/01/12/nikolamalbashi-rezolucija-kao-srpski-doprinos-kosovskoi-nezavisnosti.html> RG) 84. Foreign Service Posts of the Department of State. Hungary, Budapest. Subject Files

Relating to Cardinal Mindszenty 1956–1972, Entry 2691-B, Box 1. Mindszenty—Classified 1956–June 1957. 570.3 Religion (Mindszenty).

⁵ *Tyekvicska Á.* A bíboros és a katona. Mindszenty József és Pálincás-Pallavicini Antal a forradalomban. Bp., 1994. 56. old. (Командира сопроводительного отряда Антала Палинкаша [Паллавичини] — признав виновным и по другим обвинениям — приговорили к смерти и казнили 10 декабря 1957 г.).

⁶ Письмо члена Ордена пиаристов Ференца Рожайи к президенту США Д. Д. Эйзенхауэру, Вашингтон, I.XI.1956. См.: NARA RG 59. General Records of the Department of State. Central Decimal Files 1955–1959, Box 4805. 864.413/11-356.

⁷ По словам государственного секретаря США Дж. Ф. Даллеса, приведенных в Бюллетене 302-го заседания Совета по национальной безопасности (Вашингтон, I.XI.1956, 9⁰⁰–10⁵⁵), «в такой глубоко католической стране, как Венгрия, кардинал Миндсенти мог бы стать лидером и консолидирующей силой». (Dwight D. Eisenhower Presidential Library, Abilene, Kansas. Papers as President of the United States, 1953–61. [Ann Whitman File] Box 19. NSC Records).

⁸ «Правительственное постановление о реабилитации бывшего [sic!] примаса Й. Миндсенти с рукописными пометками И. Надя, без даты.» (Magyar Nemzeti Levéltár, Budapest (далее — MNL). XX–5–h–8. kötet/1956–58. 13. d. Nagy Imre és társai. Vizsgálati iratok. Fol. 104). Факсимильное издание см.: Ellenforradalmi erők a magyar októberi eseményekben / Kiadja a Magyar Népköztársaság Minisztertanácsa Tájékoztatási Hivatala. s.d. III. köt. 58. old.

⁹ Текст первого декрета см.: Acta Apostolicae Sedis (далее — AAS). 1957. Vol. 49. P. 38–39. Второй декрет не был опубликован, его машинописная копия хранится в Калочайском епархиальном архиве. См.: Kalocsai Főegyházmegyei Levéltár, Kalocsa. I.I.c. Grósz József perszonális iratai — Vegyes iratok, 1957. На оборотной стороне страницы латинского текста архиепископ Й. Грес сделал следующую пометку: «Скопировать для ординариев, за исключением Паннонхальмы, и отослать им. Затем, господин викарий, переведите для Управления по делам церкви. 12.II. a[рхиепископ] И[осиф]». Перевод, направленный государственным властям, хранится в Историческом архиве венгерских спецслужб. См.: Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, Budapest (далее — ÁBTTL). 3.1.5. O–13.405/2. Fol. 220–221. Текст декретов приведен в: *Salacz G.* A magyar katolikus egyház tizenhét esztendeje (1948–1964). München, 1988. 188–189. old.

¹⁰ Декрет 25446/D — AAS. 1957. Vol. 49. P. 637.

¹¹ AAS. 1958. Vol. 50. P. 118. В документах того времени эпохи упомянутые папские решения обычно приводятся как декреты 1957 г.

¹² Представление от 7 февраля об урегулировании церковно-политического вопроса — MOL. Állami Egyházügyi Hivatal (далее — АЕН). Titkos Ügyirat-kezelési (далее — TÜK) Irattára. 0011/1957.

¹³ MOL. АЕН. Elnöki Iratok, 6–33/1958. Указания кардинала Й. Миндсенти и реакция опубли. в: A katolikus egyház 1956-ban // *Rosdy P.* Új

Ember. Bp., 2006. 135–139. old. (Тогда же кальвинистская церковь изгнала из своих рядов 31, лютеранская церковь — 13 сотрудничавших с государством священников.)

¹⁴ Телеграммы № 341–343 французского посла в Будапеште Жана Поль-Бонкура, Будапешт, отправлены 4.III.1957 в 19¹³, получены [в Париже] 4. III.1957, в 20¹⁵ — Archives du Ministère des Affaires étrangères, Paris (далее — AMAE). Série: Europe, 1956–15 Телеграмма № 386/EU министра иностранных дел Франции Кристиана Пино французскому послу при Святом Престоле, 10.X.1956 — AMAE. Série: Europe, 1956–16 MOL M–KS 288. F. 5/3. őrzési egység (далее — б. е.). Протокол заседания Организационного комитета ВСРП от 21.XI.1956 опублик. в: Magyar Szocialista Munkáspárt ideiglenes vezető testületeinek jegyzőkönyvei / Főszerk. S. Balogh; Szerk. és a jegyzeteket készítette K. Némethné Vágyi, L. Sipos. Bp., 1993. 1. köt. 1956. november 11.—1957. január 14 71–94. old. См. также: Népszabadság. 28. XI.1956.

¹⁷ Kahler F. Megtorlás a forradalom résztvevői ellen — a jogtörténet tükrében // Valóság. 1994. N. 10. sz. 80. old.

¹⁸ Szántó K. Az 1956-os forradalom és a katolikus egyház. Miskolc, s. d. 171. old.

¹⁹ Материалы заседания Оргкомитета Временного центрального комитета ВСРП, 5.III.1957 — MOL. M–KS 288. F. 5/17. б. е. 30–35. old. Заявление опубликовано в: Mindszenty és a hatalom. Tizenöt év az USA-követségen / A dokumentumokat válogatta, a bevezetőt és a jegyzeteket írta Z. Ólmosi / Bp., 1991. 29–33. old.

²⁰ В социалистической Венгрии государство выдавало священникам специальное «предварительное согласование» — разрешительный документ на любой вид пасторской деятельности. Параграф 1 указа Президентского совета № 22/1957 гласил: «При назначениях на любые должности и посты римско-католической церкви на территории Венгерской Народной Республики, для исполнения поручений, которые, в соответствии с церковными установлениями, относятся к прерогативам Папы Римского, а также для деятельности в этом качестве необходимо предварительное согласование Президентского совета Народной республики. Это правило распространяется на кадровые перестановки и увольнения».

²¹ Телеграмма № 746/EU временного поверенного в делах Посольства Франции в Венгрии Анри Киока к министру иностранных дел К. Пино, 30.VII.1957 см.: AMAE. Série: Europe, 1956–1960. Sous-série: Hongrie. Dossier N. 102 Questions religieuses, juillet 1957 — juin 1958.

²² MOL. XIX–A–21–d (ÁЕН TŰK-iratok). Párthatározatok 1957–1987.

²³ Отчет органов государственной безопасности, 22.V.1958 см.: ÁBTL. O–13.405/3-a. 78–79. old.

²⁴ В 1958 г. началось очередное ужесточение государственной вероисповедной политики в СССР, обернувшаяся наступлением на епископат, духовенство и верующих. (Прим. Ред.)

²⁵ MOL. XIX–A–21–d. (ÁЕН TŰK-iratok). Párthatározatok 1957–1987.

²⁶ Если быть точным, то у 113 лиц были проведены обыски на дому, 51 священника подвергли предварительному аресту, 224 признали виновными, 50 священнослужителей были уволены за дисциплинарные проступки, 70 светских лиц были уволены с научных и университетских должностей. См.: Предложение о закрытии и архивировании группового досье № Cs-600 под общим названием «Fekete hollók» («Черные вороны»), Будапешт, 18.VI.1962 см.: ÁBTL 3.1.5. O–11802/1. 171. old. Приведено у: Diera B. Fekete hollók a budapesti Szentimrévárosban. Hitoktatás vagy államellenes szervezkedés? // Visszatekintés a 19–20. századra / Szerk. E. Cúthné Gyóni, B. Wirthné Diera / Bp., 2011. 224. old.

²⁷ Rerum Novarum (лат. *Rerum Novarum* дословно — Новых явлений, вещей — от первых слов энциклики: «Однажды пробуждено желание нового...») — энциклика папы Римского Льва XIII от 15 мая 1891 г. В энциклике речь идет об отношениях между правительством, бизнесом, рабочими и церковью, вопросы, которые до того католическая церковь оставляла за пределами своего внимания. Энциклика носит компромиссный характер: с одной стороны папа признал рабочих, как достойных членов общества, к которым нужно относиться внимательно, учитывать их интересы и вести с ними диалог, а с другой осудил социализм как опасное веяние (Прим. Ред.).

²⁸ Изучение хода этого судебного процесса началось лишь недавно. Наряду с цитированными выше работами см.: Wirthné Diera B. A pécsi «Fekete hollók», avagy a hitoktatás elméleti és gyakorlati keretei az 1960-as években // «Alattad a föld, fölötted az ég» / Szerk. M. Balogh. Bp., 2010. 289–309. old.; Eadem. Az egri «Fekete hollók» // Mából a tegnaptól. Képek Magyarország 19. és 20. századi történelméből / Szerk. E. Cúthné Gyóni, B. Wirthné Diera. Bp., 2012. 227–238. old.

²⁹ Донесение французского посла № 161/EU в Венгрии Жана Поль-Бонкура министру иностранных дел М. Кув де Мюрвиллю, 17.V.1961. -30 Balogh M. Egyház és egyházpolitika a Kádár-rendszerben // Eszmélet. 1997. N. 34. 69–79. old.; Eadem. Egyházpolitika az 1960-as években // História. 1994. N. 9–10. 30. old.

³¹ Eadem. Egyházak és politikai visszarendeződés // História. 1995. N. 9–10. 37. old.

³² Подробный отчет первого заместителя председателя Совета министров Д. Каллаи советскому послу в Будапеште В. И. Устинову см.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1379. Л. 32. Дневниковую запись В. И. Устинова от 13.VI.1961 см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077. Оп. 43. П. 217. Д. 6.

³³ Например, после освобождения в 1961 г. епископской кафедры в Пече венгерские власти в течение 23 лет отказывались одобрить кандидатуру назначенного Римом еще в 1959 г. епископского викария Геллерта Белона.

³⁴ Памятная записка, 12.XI.1964 — NARA. RG 59. General Records of the Department of State. Bureau of European Affairs. Office of Eastern European

Affairs. Records Relating to Hungary 1941–1977. Entry A–1(5577). Lot 75 D 45. Box 11. July 1, 1964–July 31, 1965.

³⁵ 20 августа — один из древнейших праздников в Венгрии. Он установлен в память о канонизации основателя венгерской государственности короля Иштвана, которая состоялась 20 августа 1083 г. Если в XIX в. религиозное почитание св. Иштвана (Стефана) выражалось, главным образом, в организации крестных ходов, то в XX столетии день 20 августа превратился в праздник венгерской государственности. После 1949 г. — памятью об изначальном значении праздника — действующая Конституция провозгласила 20 августа социалистическим праздником урожая.

³⁶ Вырезка из газеты «Геральд Трибюн», 3.VIII.1964. — Ibid. RG 84. Foreign Service Posts of the Department of State. Hungary, Budapest. Subject Files Relating to Cardinal Mindszenty 1956–1972. Entry 2691–B. Box 2. Cardinal File—Limited Distribution 1962–1964.

³⁷ Текст договора приведен в: La Politica del dialogo. Le carte Casaroli sull'Ostpolitik Vaticana / A cura di G. Barberini. Bologna, 2008. P. 156–171. (Santa Sede e politica nel Novecento. 7).

³⁸ Информационное сообщение о соглашении, подписанном с Ватиканом, 7.X., 12.X.1964 г. — MOL. XIX–J–1–j–IV–14/005535/2/1964. Vatikán TÜK-iratok. 2. d.; Ibid. XIX–A–21–d–0022–23/2/1964. Visszaminősített TÜK-iratok.

³⁹ Bottoni S. Egy különleges kapcsolat története. A magyar titkosszolgálat és a Szentszék, 1961–1978 // Csapdában / Szerk. G. Bánkuti, Gy. Gyarmati / Bp., 2009. 261–289. old.

⁴⁰ «Кадализм» («гуляш-коммунизм», «венгерский социализм») — расхожее название коммунистического режима в Венгерской Народной Республике в 1960-е — гг.

⁴¹ Tomka M. Magyar katolicizmus. Budapest, 1991. 74. old.

⁴² Из новейших исследований см.: Wittenberg J. Crucibles of Political Loyalty. Church, Institutions and Electoral Continuity in Hungary. Cambridge—New York, 2006. 528 old.

⁴³ См. соответствующие разделы в книге: Balogh M., Gergely J. Egyházak az újkori Magyarországon, 1790–1992. Kronológia. Bp., 1993. Lásd a hivatkozott időpontokat.

⁴⁴ Balogh M., Gecse G., Varga J. Vallások és a katonai szolgálat. Bp., 1989. 116–123. old.